

Александр Брагинский

**Пьер Ришар. «Я
застенчив, но лечусь»**

«Автор»

2010

Брагинский А. В.

Пьер Ришар. «Я застенчив, но лечусь» / А. В. Брагинский — «Автор», 2010

16 августа 2009 года любимому французскому актеру исполнилось 75 лет. Он часто прячет свое истинное грустное лицо за маской шута. Жерар Депардьё в своей книге «Украденные письма» называет его трагиком и сравнивает с князем Мышкиным Достоевского. Да и сам он, отдав столько сил процветанию французской комедии, никогда не считал себя клоуном, понимая комедию как высокий и благородный жанр, возвышающий человека и приносящий ему одну из самых великих радостей – смех. Книга рассказывает о жизни и творческом пути Пьера Ришара, в нее включены воспоминания самого актера «Маленький блондин в большом парке» и его интервью разных лет.

© Брагинский А. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

В качестве введения	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Брагинский

Пьер Ришар. «Я застенчив, но лечусь»

В качестве введения

Смех – это аплодисменты в кино.
Мишель Симон

Попытаться понять причины успеха, популярности того или другого киноактера – задача неблагодарная. В ее основе лежат столь же субъективные, сколь и объективные факторы, а также простая случайность, подчас везение, когда актеру позволяют сыграть самую подходящую ему роль, наилучшим образом отвечающую его темпераменту или чему-то глубоко спрятанному в подсознании. В результате он открывается всем с совершенно неожиданной стороны, и это подчас знаменует начало его истинной карьеры. Но бывает и обратное: когда актер в силу либо собственной лености, либо подталкиваемый окружением, которое призывает его наилучшим образом (часто ради больших гонораров), максимально использовать свой успех, заштамповывается, и тогда уже выбраться из этой золотой клетки ему не удастся вовсе, или с большими потерями, что приводит подчас талантливого человека со слабым механизмом нервного сопротивления к кризису, а иногда и трагическому уходу из жизни.

Пьер Ришар вполне укладывается в предложенную схему успеха – неуспеха. Он сполна познал и то, и другое. Только оказался он человеком со здоровой психикой и не дал себя сломать, когда стал читать иронические высказывания критиков о своих ролях в новом для всех имидже, когда стал слышать причитания доброхотов – почему он, мол, отказывается играть чистую комедию? Пьер Ришар хорошо понимал, что неуспех картины – это вина не одного актера. Но раз именно его лицо видит зритель, а не спрятавшегося за камеру режиссера, и если он честен, то не может не сознавать и свою ответственность за неуспех фильма. Не делить с режиссером провал, но именно ощущать меру своей ответственности. А с другой стороны, испытывать благодарность, когда тот помогает ему наилучшим образом и полнее раскрыться в предложенной роли. Такое счастье дано не всем. В жизни Пьера Ришара было несколько таких режиссеров: Ив Робер, Клод Зиди, Франсис Вебер.

Сколько раз повторяют фразу: «Проснулся знаменитым». Это имеет отношение к людям многих специальностей, но с актерами случается куда чаще, чем с другими. Пьер Ришар относится к тем артистам, которые начали свою карьеру в кино поздно – ему было уже далеко за тридцать, когда он действительно проснулся знаменитым после оглушительного успеха «Высокого блондина в черном ботинке», хотя уже и до этого произвел у того же Ива Робера «разведку боем», снявшись в «Блаженном Александре», а затем в своих первых двух, встреченных весьма благожелательно, фильмах «Рассеянный» и «Несчастья Альфреда».

Чем объяснить его удачи у Ива Робера? Только ли точностью выбора режиссером Пьера Ришара сначала на небольшую, эксцентричную, но, по сути дела, проходную роль в «Блаженном Александре»? Написанную специально для него Ивом Робером, уже сталкивавшимся с ним на сцене театра и в кино, и прозорливо догадывавшимся о его потенциальных возможностях? Но и сам Ив Робер тогда не мог подумать, что открывает ему дверь в труднейший жанр кинокомедии, в котором его «протеже» преуспеет вполне. Несомненно и то, что он был подготовлен к этому успеху отличным тренингом на эстраде, что и позволяло ему находиться в прекрасной физической форме, только... Только актеры – как те же солдаты: плох тот из них, кто не мечтает стать звездой. И Пьер Ришар не был исключением, понимая, однако, что должен при этом найти собственную нишу. В кинокомедии конца 60-х годов полновластно

царили Луи де Фюнес, Бурвиль, Жак Тати и Пьер Этекс. Не исключая, что об этом всем он тогда немало говорил с Ивом Робером, который призывал его наилучшим образом использовать свои внешние данные и искренно им восхищался, стал его ментором, другом. Ив Робер служил для него примером верности однажды избранному жанру, который всегда был популярен в народе, имел многовековые традиции.

Французы славятся своим галльским юмором, они знают толк в комедии и высоко ценят хороших комиков. Да и Пьер Ришар и сам уже давно понял, каким допингом является дружный смех зала кабаре. Понимал он и то, что эстрада ограничивает возможности актера, особенно если он честолобив. И он ждал, ждал своего часа, ибо верил в себя.

В «Блаженном Александре» главного героя – лентяя и лежебоку – играл Филипп Нуаре, актер разноплановый, острый, не «стопроцентно» комический. Своеобразная забастовка, к которой он прибегает в знак протеста против общепринятого лозунга «Трудись и будешь счастлив!», вызывала смех в зале. Смеялись, когда видели, что роль его «снабженца» выполняет пес. Чтобы в зале раздался хохот, режиссер решил сделать ставку на Пьера Ришара, написав специально для него эпизодическую, гротескную роль слегка психованного бывшего парашютиста. И достиг своей цели сполна.

Шумный и вполне заслуженный успех этого фильма, снятого во славу (или осуждения – как угодно) праздности и ничегонеделания, привлек внимание и к не очень молодому киноактеру, которому исполнилось уже 33 года. И как раз вовремя. Находясь в возрасте Христа, он все чаще задавался вопросом: неужели ему только и суждено – играть эстрадные скетчи, ничего в жизни не совершить и не оставить заметного следа? То, какой шанс дал ему Ив Робер, он понял на другой день после премьеры фильма. Не было ни одной рецензии, где бы не отметили «маленькую роль» Пьера Ришара. Но уже во время съемок, видя, какое веселье вызывало его поведение перед камерой у всей съемочной группы, Ив Робер всерьез задумался над тем, чтобы поручить ему главную роль в будущем фильме, коим и станет «Высокий блондин в черном ботинке».

Но Ив Робер сделал тогда и нечто большее для Пьера Ришара. Он уже был главой не очень большой, но процветающей кинокомпании «Ла Гевиль», и когда Пьер показал ему сценарий «Рассеянного» и выразил желание не только сыграть главную роль, но и самому поставить фильм, он помог ему дебютировать в качестве режиссера. Советы друзей – раз уж снимаешь сам, то лучше находиться по одну сторону камеры, – не производили на Пьера впечатления. Он писал главную роль Пьера Малакке только для себя и был уверен, что справится и как режиссер, и как актер. Тем более что перед ним были такие блестящие примеры «совмещения профессий», как Чарли Чаплин, Жак Тати, Пьер Этекс. Все трое были комическими актерами, которые не могли и не хотели отдавать в чужие руки свои сценарии.

К этому режиссерскому дебюту Пьера Ришара, как и к другим его фильмам, мы вернемся в отдельной главе.

А пока начнем, так сказать, с самого начала, с истоков. С того периода, когда Пьер еще носил родовую фамилию Дефей. Для этого у нас есть превосходная возможность предоставить слово ему самому, чтобы он сам рассказал о своем детстве и юности и о том, как, вырвавшись из нежных, но деспотичных объятий родни, вступил на тот путь, который в один прекрасный день сделает его звездой французского кино.

Для этого воспользуемся его собственной небольшой книжкой: «Маленький блондин в большом парке». События, в ней описанные, интересны сами по себе. Но к тому же они невольно позволяют читателю заглянуть в душу будущего актера. Доброта, интеллигентность, порядочность и застенчивость – это из его детства, ведь все мы родом из детства, как замечательно сказал Сент-Экзюпери. Книга Пьера Ришара позволяет лучше понять генезис по «профориентации». Еще учась в католическом коллеже, он понял силу заразительного смеха, развлекая своих одноклассников и вызывая недоумение отцов церкви, которые твердили ему,

что если он хочет стать клоуном, то опозорит свою фамилию. Наверное, уже тогда он понял, что добряки и недотепы украшают мир, в котором так много зла и грязи. Мазохизмом Пьер не страдал никогда. Его небольшая книжка вводит нас в мир маленького человека, который методом проб и ошибок приходит к пониманию своего места в жизни. А кроме всего прочего, она написана остроумно, весело, позволяя еще раз убедиться в правоте тех людей, которые, обращая внимание на литературные способности Пьера Ришара, призывали его больше писать о самом себе.

Итак, слово Пьеру Ришару!

Для начала пусть он сам расскажет о своих дедушках, у которых он воспитывался в раннем детстве.

Глава первая

Детство

Оба деда были столпами моей юности. Сначала я попал под чары одного, потом другой властно, используя весь свой авторитет, подчинил меня себе.

Один дед, Леопольд, был аристократом, потомком старинного рода. Он гордился своим генеалогическим древом и высшим политехническим образованием. Леопольда я очень боялся, но в такой же мере им восхищался.

Второй, Аргими́ро, был итальянским иммигрантом. Этот малограмотный человек сумел разбогатеть, используя исключительно свои мозговые извилины. Он был веселым и щедрым, и я страстно его любил.

Леопольд знал толк в деньгах и, будучи человеком экономным, не транжирил.

Аргими́ро тратил деньги не считая.

Сыновья примирили их после смерти, разбазарив состояние каждого. Один из них был моим отцом...

В детстве я переходил от одного деда к другому. Чтобы понравиться первому, я прикладывался к его руке, как подвластный ему вассал, и стрелял в птиц, как браконьер, с благословения второго.

Леопольд был суровым, но добрым человеком, крупным промышленником и набожным католиком. Он был мал ростом, носил строгие костюмы в обтяжку, коротко стриженные волосы под бобрик. Добавьте к этому портрету усы, подрезанные, как растительность во французском парке. В утренние часы, которыми во имя будущего умеют пользоваться те, кто рано встает, ему подавали к крыльцу верховую лошадь и он галопом объезжал парк, перед тем как отправиться к восьми часам на завод. Приезжая туда за полчаса до гудка, он как бы подавал всем пример самодисциплины. Для обычного же человека это казалось самоистязанием. Ведь проснувшись ни свет ни заря и умывшись, дед надевал сапоги и бриджи для верховой езды, затем совершив конную прогулку, возвращался в замок, чтобы снять сапоги и бриджи, принять снова душ, надеть тройку, завязать галстук, сделать безупречную прическу, выпить кофе и прибыть раньше всех на завод, проделав все это, пока остальная часть человечества дрыхнет, нежится или запускает подушку в будильник.

Это был человек, непреклонный в понимании своего долга. Когда незадолго до моего рождения отец бросил маму, дед выгнал его из замка со всем скарбом. Он как почтенный семьянин, отпраздновавшим золотую свадьбу с бабушкой, не мог понять, как посмел его сын оставить жену, носящую под сердцем ребенка.

Бабушка не переставала молить деда, чтобы он разрешил сыну вернуться домой, прибегая при этом к различным средствам воздействия, начиная с загадочных припадков и кончая жалобами на постоянные приступы головной боли. Перед лицом непримиримости мужа она объявила даже голодную забастовку, которой позднее, по ее примеру, так ловко воспользовался Ганди.

Покаявшись и получив прощение, отец, впрочем, довольно быстро возвратился к прежним разгульным привычкам.

Иногда в полдень Леопольд принимал в замке капитанов промышленности, таких же серьезных и непреклонных господ, как и он сам.

В один из таких приемных дней, уж не знаю с чего бы, мне взбрело в голову прибегнуть к действиям, предвосхитившим события майской революции 68-го года. Перед парадным входом в замок я написал краской на дорожке слово «дерьмо». Как раз там, где останавливались машины, и все могли его прочесть. Мне было тогда 16 лет.

Выйдя из машины и обнаружив одновременно с гостями это нежное послание, дед почувствовал легкое недомогание, сопровождавшееся головокружением, но быстро обрел свой обычный флегматичный вид, препроводив оскорбленный в лучших чувствах цвет французской промышленности в свой уютный кабинет. После чего немедленно отправился искать меня. Он ничего не мог понять. Передо мной стоял сбитый с толку человек. Голова его подергивалась, а бобрик на ней дрожал точно так же, как и губы.

«Дерьмо»! Слово, которое он, аристократ до кончиков ногтей, вероятно, никогда бы не решился произнести, о котором запрещал себе думать. И вот надо же, чтобы его собственный внук, играючи, написал его перед крыльцом замка! Он не ругал меня, но молча посмотрел мне в глаза. Так посмотрел, что я до сих пор испытываю жгучее чувство стыда, вспоминая эту историю.

Несколько дней спустя дед повез меня в Лилль, чтобы узнать результаты сдачи мной экзаменов на бакалавра. Мы сидели рядом в машине, которую вел шофер Шарль. Бабушки, способной своей болтовней развеять его мрачные мысли на мой счет, не было с нами. Я чувствовал себя голым, хрупким, выставленным на всеобщее обозрение. Так было всю дорогу туда. Я представлял себе, каково будет мне, никудашному, решительно ни к чему не пригодному парню, по дороге назад, после того как станет известен мой провал, предчувствие которого буквально витало в воздухе, пока я ехал в машине с поднятыми стеклами наедине с дипломированным выпускником Политехнического института, награжденным орденом Почетного легиона, директором завода и избранником богов.

Как же повезло Шарлю, родившемуся шофером хозяина, а не его внуком!

Но мой дед издали узрел мое имя на большой доске. По его волнению я понял, какое значение он придавал этому успеху. На обратном пути я впервые за всю мою недолгую жизнь сидел рядом с ним без страха, без стеснения, как достойный наследник рода и империи. Даже Шарль вздохнул с облегчением. Я судил об этом по его каскетке, слегка сдвинувшейся на затылок.

Господи, как же мы все тогда переволновались!

Отныне моему деду уже не будет стыдно за меня на своих деловых обедах в замке.

А прежде... Представьте себе дюжину господ, затянутых в свои убеждения и приступающих со знанием дела как к поглощению перепелок на канapé, так и к обсуждению несущей конструкции на стальной изложнице. После внезапно произнесенной кем-то справа зловещей фразы: «Итак, мой мальчик, расскажи о своих успехах в учебе» – воцаряется тишина. Слышен лишь треск ритмично разрушаемых конструкций, отчего перепелки прячутся под канapé.

Мои плечи прогибаются, а дедушкины – суживаются, придавая его строгому костюму вид клоунской блузы.

Перед лицом столь неожиданного нападения среди обедающих пробегает шорох. Верный Робер даже не способен справиться с опасно накренившимся блюдом. Он настолько сбит с толку, что начинает обслуживать сначала сидящего справа от деда. А это ошибка!

Тогда в действие вступает моя бабушка.

Метнув взгляд в сторону Робера, она сразу помогает ему обрести нужное равновесие. А своей улыбкой деду – вспомнить о его неизменной выправке.

– Его будут наказывать до тех пор, пока он не станет первым, – произносит бабушка.

Тем самым она изящно намекала на то, что я только второй, если не третий, в своем классе, но наверняка не сорок шестой или предпоследний.

После того как с трудом, но первый этап испытания был пройден, мне предстояло столкнуться с деликатной проблемой будущего.

– Чем же собирается заняться в дальнейшем сей молодой человек?

Будучи в полной неопределенности относительно своего будущего, я ответил с широкой улыбкой: «Тем же, чем и отец». И тем вызвал общую растерянность присутствовавших.

Воцарилось неловкое молчание, сопровождаемое нерешительным покашливанием некоторых гостей. Что же такое мог совершить мой отец, чтобы привести их в подобное замешательство? Или, скорее, чего он не совершил?

Приходилось пускаться в разъяснения относительно того, почему мой отец мог себе позволить обходиться без постоянной работы. Но он никогда не был бездельником. Все же ему пришлось основательно потрудиться в своей жизни, чтобы достичь своего нынешнего статуса. Что же касается меня... Бабушка в который раз вытаскивала семью из трясины.

– Сейчас не время думать о твоём отце, дружок, лучше подумай о работе. И то и другое никак не связано.

Я и не пытался выяснить причину антагонизма между словами «отец» и «работа» – все и так уж достаточно посмеялись! И они переходили к десерту...

Теперь, когда я стал бакалавром, занесенный над моей головой дамоклов меч был навсегда зарыт в землю.

Похлопывая меня по руке каждые пять секунд, дед попросил Шарля перед въездом в замок нажать на сирену.

Пораженный сторож был удостоен широкой улыбки и объяснения: «Он прошел». Под влиянием общей эйфории Шарль лихо подкатил к крыльцу замка, на котором стояла бабушка. «Он прошел!»

Больше в жизни я никуда не проходил. Мне пришлось в дальнейшем пересдать экзамен по философии, но с тем же результатом, как и в первый раз.

Увы, деда тогда уже не было в живых, и я легко мог себе представить, как бы огорчил его своим отъездом в Париж, чтобы записаться на театральные курсы.

Он ушел, не успев разочароваться во мне...

Даже в Италии непривычное для французов имя Аргими́ро было не таким уж распространенным.

Он был младшим в столь многодетной семье, что, когда блюдо со спагетти доходило до него, оно оказывалось пустым.

Ему исполнилось двадцать, когда итальянцы в поисках работы двинулись на север, во Францию. Аргими́ро также покинул свою маленькую деревеньку близ Анконы в Центральной Италии. В молодости Аргими́ро был хороший ходок. Сначала он пересек в стремительном ритме всю страну. Потом жил отшельником в лесах Апеннин, в деревянных хижинах, которые строил сам. Чтобы добыть пропитание, ему, подобно медведю, приходилось вылезать из берлоги. В поисках работы он обходил одно селение за другим. И, заработав несколько монет, он тотчас отправлялся дальше.

Однажды, сам не ведая того, он миновал итало-французскую границу, и оказался в стране свободы, равенства и терпимости.

Короче, стал итальяшкой-риталем.

Наделенный недюжинной силой, он сумел быстро получить заманчивую работу: ему доверили таскать на себе рельсы. Хозяева его ценили. Десятижильный иммигрант, который ни на что не жалуется, это – хороший иммигрант.

Неся на спине рельсы, деду случалось ощущать теплую струю, стекающую вдоль спины. Это была кровь, которую он дарил Компании железных дорог. Ею он щедро поил борозду своего участка пути.

Достаточно намыкавшись с этими рельсами, он стал приобретать их сам, заставлял других надраивать до блеска, как дорогие туфли, и таскать на себе. Потом купил маленькое предприятие, женился и обосновался с семьей в городке Валансьенне на севере Франции.

Когда я родился, он уже разбогател. Меня время от времени доставляли ему на десерт! Этот дед меня очень баловал.

Я помню силу и мягкость его рук, громогласие, сменявшееся нежным шепотом. Аргиро испытывал ко мне слабость. Быть может, потому что рядом не было отца. Он охотно его заменял, и когда сжимал мою руку в своей ручище, казалось, что теперь весь мир принадлежит мне. Я больше ничего не боялся. Он всюду таскал меня с собой. Помню, в Париже мы посещали холодные и мрачные плавательные бассейны. Такими они мне казались в то время, но я согревался, прибодренный радостными криками, которые он издавал вместе со своими пятидесятилетними приятелями. Шумели они куда больше, чем банда молодежи.

Я вспоминаю себя худеньким и тщедушным, как цыпленок, отказывающимся идти в воду, которого подхватывала его рука, чтобы опустить в самую гущу веселившихся бузотеров. Какую же радость испытывал я, смеясь и лязгая зубами от холода одновременно!

Он увозил меня с собой на курорты Виттель и Виши, где проходил курс похудения.

Оказавшись в его конторе, я становился свидетелем того, как он отдает приказы, спорит, кричит с неизменным итальянским акцентом. Он представлял своего внука служащим, бухгалтерам и секретарям. Те неизменно умилялись при виде моих белокурых волос, завитками спускавшихся на спину.

Я казался ему писанным красавчиком! Я был его маленьким принцем.

Смуглый, черноволосый макаронник он не мог прийти в себя от счастья, что имеет внука-блондина, и неизменно привлекал к этому внимание окружающих, словно боясь, что никто не заметит цвета моих волос.

В нем было что-то от крестного отца. Я хочу сказать, что его семья, друзья, работавшие на него люди могли быть уверены в том, что он их защитит, что с ними ничего не случится.

Это было безграничное, вероятно, немного показное благородство.

В маленькой деревне, где им был куплен небольшой замок, сидя в кресле, потому что был уже серьезно болен, он, словно король, занимался раздачей подарков.

Люди приходили отдать дань уважения этому едва говорившему по-французски человеку, который однажды вторгся в их жизнь и осыпал теперь своими дарами.

По воскресеньям он собирал за столом всю семью, чтобы полакомиться полентой, поливая доску, на которой она лежала, маисовой водкой, томатным соусом и топленым колбасным жиром. А мы ее ели, усевшись вокруг этой доски, определяя с помощью вилки границы своего жизненного пространства.

Думаю, этот крестьянский обычай, которого он так любил придерживаться, обладал невиданными возможностями по сплочению нашей семьи. Совместное поглощение одного блюда способствовало взаимопониманию и рождало чувство близости.

Я неизменно сидел по правую от него руку. Пережевывая своими сильными челюстями поленту, дед с умилением пожирал меня глазами.

Он умер от рака в возрасте шестидесяти двух лет. Но перед тем как уйти, сделал мне, в присутствии матери, последний подарок.

– Ты единственный из моих внуков, кто преуспеет в жизни, – произнес он.

Такого рода внушение, однажды проникнув в голову, уже больше не выходит оттуда. Оно вас подбадривает, когда вы устали, прибавляет силы, когда они на исходе. Позднее, в дни самых больших сомнений, я стану настойчиво призывать его дух на помощь, чтобы напомнить это предсказание. И так будет происходить до того дня, когда оно начнет, наконец, воплощаться в жизнь.

Меня бы очень огорчило, если бы он ушел, став свидетелем моей неудачи»...

А раньше была война.

Какие воспоминания связаны у Пьера Ришара с войной, исходом, с жизнью в оккупированной Франции? Вот как он описывает то время в своей книжке:

«...Длинные, казавшиеся бесконечными, вереницы автомашин разных марок, тележек, пешеходов устремились на юг, куда еще не успели ступить немецкие сапоги.

Не имея возможности прихватить с собой заводы, Леопольд решил остаться на месте и призвал рабочих не останавливать производство.

Отменный ходок, Аргими́ро, когда-то сумевший забраться так далеко на север, предпочел теперь отправиться на юг. Призвав к себе двух дочерей, единственного зятя, свояченицу, сына и внуков, он затолкал их всех в три двенадцатицилиндровых «Ситроена» и, возглавив таким образом целый эшелон беженцев, устремился на юг.

Однако уже очень скоро быстро ехать стало невозможно.

Мы двигались черепашьям шагом друг за другом, потерянные в этом бесконечном потоке муравьев. Дед, как и положено, сидел впереди, а я, разумеется, рядом с ним (да здравствует война!). На сидениях и под сидениями, в багажнике, на полочках над головами, в моторе, под крыльями машины, повсюду была рассована провизия. Францию пересекали три набитые товаром походные бакалейные лавки.

– Я хочу, чтоб у детей было все, – провозгласил он со своим неизменным итальянским акцентом.

Мы испытали на себе налеты авиации. Немецкие самолеты пикировали, поливая беженцев из пулеметов. Родные меня спасали, прикрывая своими телами: я лежал то под матерью, то под дедом, то под тетками. Мне не грозила смерть от пули, но при каждом налете я мог легко задохнуться.

Мы топтались на месте, блокированные проходящими войсками, которым следовало расчистить дорогу, чтобы они могли, наконец, выполнить свой долг. Пока мы ехали на юг, они двигались на север, навстречу противнику, чтобы затем, подчас довольно стремительно, вернуться обратно, обгоняя нас с таким деловым видом, словно они что-то важное забыли на юге.

Мои детские глаза с восторгом взирали на этот конфузный, но довольно-таки забавный исход.

Больше всего меня поражала быстрота, с которой солдаты рассыпались в стороны при малейшем приближении самолетов.

По одному этому можно было судить, насколько полезной оказалась их военная выучка. Когда мы, несчастные гражданские, прибывали в укрытие, лучшие, то есть нижние, места там уже были заняты «защитниками Отечества».

Возможно, то были старые рефлексy, сохранившиеся после войны 14-го года, в результате чего они просто путали любое укрытие с непреступной траншеей, из которой уже никакими силами их невозможно было вытащить.

Наконец мы добрались до центральной части Франции, близ Мана. Тут мой дед, подобно Джонy Уэйну во главе кавалерии, остановил свой караван. Он, вероятно, решил, что немец дальше не пройдет. Но именно при въезде в выбранную им маленькую деревню я и встретил своего первого немца. О встрече с первым немцем помнишь всю жизнь.

На самом деле их было двое. Я же был один. Они возникли внезапно из пыли и солнечного марева, нависших над дорогой, на мотоцикле с коляской, похожие на механизированных центурионов.

Остановившись напротив, они стали разглядывать меня через большие запыленные стекла очков.

– Гуттен морген.

Я был порядком испуган.

У водителя за спиной воинственно блеснул автомат.

Неожиданно немец, сидевший в коляске, порывшись в своем вещмешке, сунул мне под нос огромную плитку шоколада.

Он улыбался так дружелюбно, что чувство страха тут же покинуло меня. А шоколад оказался вкуснейшим, швейцарским...

Вот каким образом в свои шесть лет, с набитым ртом, я стал самым молодым коллаборантом во Франции, хотя не успел проинформировать оккупантов ни о местном Сопротивлении, ни о продвигавшихся колоннах французской бронетехники, ибо появилась моя дрожащая от страха мама и еле оторвала меня от новых приятелей с их вкусными подарками.

– «Папер, папер», – упорно повторяли они моей напуганной матери, имея, вероятно, в виду обертку от шоколада, которую я тоже жевал с большим удовольствием.

– Ауфвидерзеен...

И они двинулись дальше завоевывать Галлию.

Едва только немцы скрылись из виду, как моя мать, не спуская с них глаз, вlepила мне оплеуху, заставив выплюнуть шоколад, ибо она где-то слышала, что немцы раздают детям отравленные конфеты.

А поскольку на дороге уже появилась целая колонна вражеских солдат, то мама поспешно увела меня в дом. Из-за его зарешеченных окон, будучи лишен возможности вмешаться в события, я наблюдал, как мимо стройным шагом, плечом к плечу промаршировала целая тонна шоколада...

Все дни я проводил с моим кузеном Вилли, сыном маминой сестры.

Будучи всего на полгода старше меня, он, однако, весил раза в два больше меня – и уж в чем-чем, но в весе я так никогда и не сумел его догнать.

Так что, когда мы довольно часто дрались, в моих интересах было не переводить единоборство в партер. Поскольку я был более ловким и подвижным, мне это обычно вполне удавалось. Но иногда он наваливался на меня всей своей тяжестью и начинал тузить.

А еще он часто кусался.

Это был с его стороны весьма подлый метод борьбы. Впрочем, надо признать, он тогда болел какой-то нервной болезнью, и именно это подчас делало его мрачным и агрессивным. В такие минуты он без предупреждения хватал мою руку и вонзал в нее зубы.

Я не был прирожденным доносчиком, но от боли издавал пронзительный вопль. Прибегали наши матери. Свидетельство его преступления было налицо: на моей руке образовались четыре маленькие красные припухлости.

Его не ругали и не наказывали, а мне объясняли, что он нездоров и что надо его простить.

Когда он проделал это уже в четвертый раз, пользуясь отсутствием сестры, моя слегка возмущенная мать укусила его сама. Для примера! Чтоб ощутил на своей собственной шкуре, как это больно. В результате он в течение получаса вопил как резаный, понося все на свете и напоминая глашатая, сзывающего в цирк зрителей.

Позднее он завел блокнот, в котором, дабы ничего не забыть, старательно записывал на двух колонках перечень всех совершенных в отношении него прегрешений.

Если я поступал дурно, для примера меня ругали в его присутствии. Это его умирало куда больше, чем пилюли или горячая ванна, и он успокаивался до следующего укуса.

С годами нервы его окрепли, и мы стали ссориться значительно реже. Но, когда дело доходило до драки, в ход уже шли пинки и тумачи, а если предоставлялась возможность, мы начинали душить друг друга.

Однако он больше не записывал в блокнот свои обиды.

Выбранный моим дедом дом находился напротив железнодорожной станции. В ней не было ничего особенного. Она была очень миленькой, эта станция, такие часто встречаются в небольших французских деревнях.

Просто не знаю, что они в ней такого нашли, но немцы и англичане, действуя, как настоящие ревнивые соперники или, может быть, недовольные пассажиры, старательно и безостановочно бомбили ее!

Наша семейная жизнь, естественно, страдала от этого. При первой же тревоге бабушка бросала свои кастрюли, Аргими́ро – коробки с провизией, дядя забывал о послеобеденном отдыхе, кузен и я – свои споры, мать – гладить белье, и все мы бежали в укрытие в глубине сада, образованное изгородью из зеленой фасоли.

Кузен исподтишка щипал меня, подтверждая этим, что начатый ранее спор еще не закончен. Защищенный плотным телом деда, навалившимся на меня, я, как обычно, задыхался, с жалостью думая о несчастном начальнике станции.

Потом самолеты улетали и каждый возвращался к прерванным занятиям – кастрюлям, отдыху, спорам. Спустя час прилетали англичане, и мы опять бежали в сад.

Несмотря на свой ранний возраст, я умел по звуку моторов за много километров отличить спитфайер от мессершмита. Бомбы англичан были, как бы сказать, более воспитанные. Приближаясь к земле, они предупреждающе свистели, как закипевший чайник.

Уткнувшись носом в землю, я с восторгом следил за муравьем, тащившим соломинку в два раза большую, чем он сам (эта война его явно не интересовала), в то время как пулеметные пули сухо барабанили по рельсам, подобно молоточкам ксилофона при исполнении произведения Пьера Анри¹.

С тех пор я неизменно вспоминаю бомбы, когда вижу муравья, и наоборот.

Когда же очередь бомбить несчастную станцию дошла до французов, семья собралась держать совет.

Вытоптанный нами сад напоминал разбомбленную станцию.

Короче, мой дед не стал дожидаться ни очередной атаки союзников, ни немцев и направил свои стопы в Бургундию.

Я был в полном восторге.

Эту тихую, на отшибе, затерянную в лесу деревню деду порекомендовал один из его друзей.

Вероятно, он также порекомендовал эти края отрядам партизан, ибо у нас было впечатление, что все участники французского Сопротивления устраивают тут летние сборы. Когда они взрывали что-нибудь или устраивали засады, германские карательные батальоны устремлялись в эти места. Они для проформы сжигали одну или две деревни и удалялись с чувством исполненного долга.

Однажды мы тоже едва не заплатились. Партизаны решили уничтожить двух местных немецких солдат, выполнявших роль стражей порядка в деревне. Тогда несколько местных стариков заступились за оккупантов. Они обратили внимание партизан на то, что эти два солдата никому не мешают, зато, если они погибнут, на нашу деревню набросится вся немецкая армия. Эти солдаты действительно никому не мешали, они передвигались всегда вдвоем, как благоразумные и вежливые школяры, охотно помогали поднести сумки дамам, подтолкнуть забарахливший трактор. Контрольными пунктами для них служили три деревенских кафе. Оттуда они наблюдали за поведением населения. Общеизвестно, что стойка бара – то самое место, где чокаются разные идеологии, где прекращаются, утолив алкогольную жажду, военные действия.

Таким образом, равнодушно обозрев окрест себя и выпив отменного пива, они отправлялись в следующее кафе. Им и в голову не приходило поменять порядок своего передвижения и, прибегнув к неожиданному маневру, дезориентировать движение Сопротивления, чьи стратегические планы обычно вырабатывались во время реваншистских тостов за рюмкой пастиса. Так нет же! Первую кружку пива они выпивали непременно у Жоржа, вторую у Рене, а третью в табачной лавке у церкви. Затем все происходило в обратном порядке.

¹ Французский композитор, представитель конкретной музыки и специалист в области электроакустики. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

За пределами этих трех кафе их мало что интересовало. Можно было, не привлекая их внимания, спокойно сформировать в окрестностях деревни целую бронетанковую дивизию.

Местное население в конце концов к ним настолько привыкло, что испытывала даже некоторое дружеское расположение... Господин Отто ведь такой вежливый, а господин Курт такой обходительный!

Подчас посреди белого дня одна или две машины с вооруженными партизанами заезжали в деревню: члены Соппротивления хотели утолить жажду или побыстрому запастись провизией в лавке у церкви или в кафе Рене. Тогда, дабы отвлечь внимание наших бравых тевтонцев, хозяева заведений приглашали их в погреб, чтобы угостить стаканчиком своего фирменного вина.

Ну а если они говорили, что им давно пора двигаться дальше. Пока-пока!!! – среди завсегдатаев лавки всегда находился чудик, который непременно хотел их научить песенке в духе «Запор в зад».

Едва угроза опасности проходила, их отпускали, наблюдая, как они чинно направляются выполнить свой долг к Жоржу.

Когда наших тевтонцев призвали в часть к выполнению более важных воинских заданий, вся деревня готова была направить петицию немецким властям с просьбой оставить их.

Угостив в свою очередь в последний раз всех желающих в трех кафе, они отправились навстречу смерти, распевая «Какой запор в зад, когда идешь из Нанта!».

Прюнье. Так зовут друга моего деда. Это значит сливовое дерево. От сливы он унаследовал сочность и чувственность.

Я провожу с ним целые дни. Он уводит меня в свой фруктовый сад при выезде из деревни, и я учусь идти спокойно рядом, не отставая от тачки. Его ровный голос смешивается со скрипом деревянных колес, постепенно я прекращаю свои метания взад и вперед, напоминающие прыжки молодого резвого пса, и иду рядом, чтобы не упустить того, что он говорит.

Он учит меня распознавать сорта яблок по их аромату, наслаждаться запахом сена, вкушать покой наступающих сумерек, любить поэмы Андре Шенье, которые он просил меня читать ему, пока он собирает фрукты.

У этого Прюнье был культ книги. Каждый день он священнодействовал в своей библиотеке и научил меня прислуживать ему во время литературной мессы.

В его храм я проникал с чувством великого благоговения, усиленного сознанием своей полной необразованности. Босоногий и с кепкой в руке, я старался ходить тихо и избегать громогласия. Тут царил дух Божий!

Подчас, прежде чем поклонить колени пред святым Бодлером, он отправлял меня вымыть руки. Я предавался этому очищению со всей серьезностью, со всем старанием, ибо мои чумазные руки способны были внушить лишь отвращение.

Вымытый и полный раскаяния, я возвращался, готовый к причастию. Что-то нашептывая, он позволял мне прикасаться к прекрасным переплетам с золотым тиснением и пояснял красоту шрифтов в изданиях того или другого века, только им присущую выпуклость.

Внезапно выпрямившись и скрестив руки, он поднимал голову и, прошептав заклинания, вытаскивал из своего кладезя Виктора Гюго в покрытом патиной кожаном переплете и начинал комментировать его текст, в то время как мои глаза не отрывались от африканских копий, украшавших ту часть стены, которую не удалось поглотить книгам.

Прюнье жил одно время в Африке. Сняв на пару минут копьё со стены, пока он с чувством декламировал стихи Гюго, я представлял себе, как зулус этим копьём в руке пронзает пузатого миссионера. Затем по совету моего хозяина листая потертый том Боссюэ или вдыхая запах запыленного и пахнущего плесенью Шатобриана, я с ужасом и восторгом представлял себе, как вождь каннибальского племени вкушает рагу из человечины. Месса прерывалась или

заканчивалась громким возгласом его жены «Пирог готов!», и мы отправлялись ужинать в сад, где меня приобщали также к культу и культуре цветов.

У него была потрясающая коллекция роз, которыми Прюнье дорожил, как любимой женщиной в гареме.

Поистине война была источником изысканных удовольствий!

К тому же я не учился в школе и не носил ботинок – мне всегда было трудно с ними справиться (за исключением черных, разумеется).

За Прюнье следовал Примо. Мой дед умел выбирать друзей. Примо был художником, тоже итальянцем, обладавшим талантами первобытного охотника.

Ночи он проводил за писанием натюрмортов, а утром и днем – ловил и убивал своих будущих натурщиков. Ведь, черт побери, надо было чем-то питаться! По утрам, отправляясь на речку, он руками ловил великолепную форель. Как сейчас, вижу его стоящим по колено в холодной воде, неподвижного, молчаливого, похожего на цаплю. Изящно наклонившись, он опускал руки под корягу, омываемую речным потоком, и медленно рылся в ямках. Когда ему попадалась рыба, он ее гладил своими руками художника. Его пальцы напоминали ловкие, волнистые, бесплотные водоросли... Затем, подобравшись к жабрам одурманенной лаской рыбы, он внезапно сильно и нежно запускал в них пальцы и, разогнув свое длинное и голенастое, пропитанное утренним туманом тело, вытаскивал руками душителя трепещущую форель.

Иногда, неизменно действуя только руками, он охотился на зайцев, которым везло не больше, чем форели. То была работа ремесленника. Чистая. Без крови. Без шума. В поисках жертвы он вел себя в лесу, как герой фильма «Убийца» (знаменитый фильм Фрица Ланга) в городе.

В то время звери не боялись выстрелов, ибо не было ружей: их конфисковывали немцы. И все обитатели леса жили спокойно, опьяненные свободой, не подозревая, что убийца спокойно пробирается на их территорию, чтобы осуществить свой кровавый замысел!

– Сегодня у нас кролик под горчицей! – провозглашала бабушка.

И Примо тихо улыбался в усы, напоминая своим увлажненным от нежности взором самодовольного большого кота. Потом он отправлялся писать картины с фруктами и цветами, добавляя к ним подчас мертвого кролика в качестве последней дани своей жертве. Мы тогда имели обыкновение часто собираться вокруг стола вдаль от орудийного грохота...

Мировая война сотрясала нации, а семья неизменно лакомила из обильно сервированных тарелок.

Сидя во главе стола, Аргимино пожирал меня глазами, моя мать пожирала глазами своего отца и моего отчима, очередного спутника жизни, не забывавшего поглощать все, что лежало на тарелке.

Подчас, впрочем, пронесившаяся по главной улице машина с участниками Сопротивления напоминала о войне, но вслед за этим деревня снова погружалась в спячку. В общем, я все воспринимал именно так.

...Мой дядя достал где-то полковой горн. Он очень любил все, что было связано с армией. На свой лад, конечно, ибо не собирался идти под ружье, а оставался жить с нами в тылу. Не рвался он и в Сопротивление. Но ему не было равных в том, чтобы поддерживать дух простых граждан своими патриотическими рассказами. Ведь всякому известно, что именно в тылу вызревает моральный дух армии, а также находится та почва, на которой произрастают зерна будущей пехоты, которая будет затем скошена пулеметными очередями сборщиков урожая.

Моему дяде вполне удавалось укреплять дух колеблющихся своими эйфорическими высказываниями. Перед лицом полного разгрома нашей армии он утверждал, что налицо «отход на стратегические рубежи».

Сей отход продолжался пять лет, в течение которых он тщательно полировал свою трубу, чтобы возвестить в скором времени о последнем залпе.

Мы часто просили его поиграть на ней. Тогда он с заговорщическим видом, прячась за оконными занавесками, выглядывал на улицу. И нам становилось понятно, что ему не хочется привлекать, например, внимание вермахтских гуляк, которые могли оказаться у нас под окнами. Свое дыхание он экономил для великого часа победы.

Несколько лет спустя, накануне долгожданного дня освобождения, он отправился в столицу. Не желая больше скрывать ура-патриотизм своих легких, он достал горн, открыл окно и запустил в небо Парижа залп радостных гудков.

А в награду получил в свою сторону несколько пуль, выпущенных затравленным вишистом, за которым гнались восставшие парижане. После чего дядя поспешно закрыл окно, спрятал трубу в футляр, и больше мы о ней не вспоминали».

Естественно, Пьер Ришар вспоминает и своего отчима.

«Типа – я звал его так, ибо называть папой не мог себя заставить, у меня ведь уже был один отец. Этот же появился в жизни моей матери, весело хлопая в ладоши.

– Алло! Алло! Неужели никто меня не любит?

Это был добрый и терпимый человек. Он ни разу не накричал на меня и не поднял руку. Но на людях часто вел себя как самовлюбленный нахал. Он обожал оказываться в центре внимания. Не мог жить без бардака и скандала. В душе он был актером.

– Алло! Алло! Кто-нибудь обратит на меня, наконец, внимание?

Иногда мы с Типа отправлялись на его машине в город. Когда ему надо было зайти в магазин, он никогда не думал о том, чтобы где-то припарковаться. «Подожди, сейчас я зайду за хлебом и вернусь,» – один раз сказал он мне, на ходу выскакивая из машины. Я не знал, что мне делать. В любом случае мне не очень-то хотелось оставаться в машине, брошенной им посередине улицы, чтобы стать жертвой ярости автомобилистов. Я побежал за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.